

АННА
МАЛЫШЕВА

АНАТОЛИЙ
КОВАЛЕВ

Серия исторических романов
Анны Малышевой
и Анатолия Ковалева:

АВАНТЮРИСТКА-1
ПОТЕРЯВШАЯ ИМЯ

АВАНТЮРИСТКА-2
ПОТЕРЯВШАЯ СЕРДЦЕ

АВАНТЮРИСТКА-3
ОТВЕРЖЕННАЯ НЕВЕСТА

**АВАНТЮРИСТКА-4
ПОСЛАННИЦА СУДЬБЫ**

Готовится к печати

АВАНТЮРИСТКА-5
ОБМАНУВШАЯ СМЕРТЬ

АННА
МАЛЫШЕВА

АНАТОЛИЙ
КОВАЛЕВ

АВАНТЮРИСТКА
Посланница Судьбы

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М20

Любое использование материалов данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Художник — *Андрей Фerez*

Компьютерный дизайн — *Воронин Владислав*

Малышева, Анна Витальевна.

М20 **Авантюристка.** [Кн. 4]. Посланница судьбы : [роман] / Анна Малышева, Анатолий Ковалев. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 320 с. — (Остросюжетная проза Анны Малышевой).

ISBN 978-5-17-093262-7

Действие четвертой книги разворачивается в 1830 году. Виконтесса да Гранси, в которой бывшие недруги, утраченные друзья с изумлением узнают исчезнувшую семнадцать лет назад графиню Елену Мещерскую, приезжает в Москву, чтобы отомстить ограбившему ее родственнику и найти свою бесследно исчезнувшую дочь. Но случается то, чего никто не мог предугадать, — в Москве начинается эпидемия холеры...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-093262-7 © Малышева А.В., Ковалев А.Е., 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Предлагаем читателям
долгожданное продолжение
захватывающей истории
«Авантюристка»:
ПОСЛАННИЦА СУДЬБЫ

Глава первая

*Скромные семейные радости
ростовщика Летуновского. —*

*Благие намерения бывшего пристава Калошина. —
Волк в овечьей шкуре возвращается в Москву*

Казимир Летуновский, если не самый старый, то самый удачливый и дерзкий московский ростовщик, из года в год приумножал свое благосостояние. Его деятельность приобретала с каждым днем все более благообразные и почетные формы. Ушла пора, когда он трясся над сундуком, в котором прятал самолично принятые заклады, когда сам с каменным лицом выслушивал душераздирающие (и порой правдивые) истории несчастных людей, бросавшихся к нему за помощью от безысходности. Теперь он сделался владельцем нескольких ломбардов, открыл ювелирный магазин на Тверской улице и вскоре перешел в разряд купцов первой гильдии. Если в его ломбардах и лились слезы, Летуновский этого не видел. Если в его адрес посылались проклятия, он не слышал

этого. Его руки — страшные жилистые руки с кривыми пальцами, привыкшими загребать деньги и толкать сирот на паперть, девушек — на панель, стариков — в могилу, побелели и тоже смотрели вполне добродушно, хотя пальцы иногда шевелились, словно хватая нечто невидимое.

Несмотря на свой преклонный возраст, поляк был еще крепок, здоров и даже обзавелся молодой женой, хотя раньше слыл убежденным и непримиримым холостяком. «Окрутила! — со стыдливым изумлением признавался ростовщик. — Пленила, околдовала старого дурня!» Москва дивилась. Кто бы мог подумать, что такой несгибаемый человек, как Летуновский, способен влюбиться на старости лет! Однако дружно признавали, что пани Теофилия Заведомская, дочь бедного, разоренного шляхтича, и вправду необыкновенно хороша и могла бы пленить красотой и благородством манер самого безнадежного мизантропа. Высокая, тонкая, как плоть, с младенчески ясным розовым лицом и синими глазами того глубокого темного оттенка, который бывает только у лучших сапфиров (как восхищенно отмечал ростовщик), она очаровывала все взгляды. Ее рыжевато-русые волосы не были особенно роскошны, но полячка умела их весьма затейливо причесывать. Бедняжка носила старые, десятки раз перешитые платья, над которыми портила свои прекрасные глаза полночи, чтобы утром появиться в новом туалете, но и они не могли умалить ее прелести и достоинства осанки. Старый

ПОСЛАНИЦА СУДЬБЫ

ростовщик был для девушки находкой, спасением одновременно от нищеты и от бесчестия ее частого спутника. Шептались, что отец уже не прочь был однажды ее продать самым скверным образом какому-то купцу, когда попал в очередную долговую яму, но тогда дело как-то обошлось.

Теперь пан Тадеуш Заведомский называл себя не иначе как «отцом, пожертвовавшим ради дочернего счастья всем, всем, даже шляхетской своей гордостью!» Жертва совершилась следующим образом. Благородный шляхтич, ведущий свой род аж от Барбары Радзивилл, как-то раз попал в неприятное положение и не в состоянии был выкупить в ломбарде у кровопийцы-ростовщика отданные под залог золотые часики покойной супруги, которые намеревался отнюдь не хранить у сердца, а заложить вновь, чтобы вырученные деньги потратить на свои нужды. Срок закладной истек, выдать вторую закладную Летуновский, принимавший дворянина из уважения к его фамилии лично в своем кабинете, не соглашался. Доведенный до крайности пан Тадеуш принял молниеносное и остроумное решение, в самой прямой и доходчивой форме предложив ростовщику родную дочь. Собственно, нежный отец и не думал в тот момент о свадьбе... Знакомство состоялось. Теофилия была так чиста, прекрасна, так при этом бедна и незащищена, в ее глазах сияло полное неведение того, что ее ожидало... Летуновский внезапно сделался рыцарем и женихом.

Часики были преподнесены невесте в подарок. К ним в придачу шли серьги с черными бриллиантами, стоившие целого состояния. Влюбленный Летуновский, слывший первостатейным скрягой, проявлял чудеса щедрости. Теофилия сияла невинностью. Пан Тадеуш красовался в новом фраке и презрительно кривил рот, принимая поздравления. Свадьба, самая пышная, какую только можно было устроить за деньги, состоялась в августе двадцать седьмого года. Бал гремел и кружил головы, на нем была «вся купеческая Москва» — гости жениха, и местная шляхта — гости невесты, почти все с перекошенными от зависти лицами. Впрочем, некоторые пришли только ради роскошного ужина, дававшегося после бала «для своих».

Сплетничали нещадно. Невесте едва исполнилось двадцать лет, а жениху стукнуло шестьдесят два, и это одно само по себе удивляло. Впрочем, улыбка, сиявшая на лице счастливой новобрачной, не покинула его и после свадьбы. Она никогда не сходила с милого личика Теофилии, и молодая супруга ростовщика производила впечатление самое безмятежное. С мужем своим пани Летуновская общалась легко и непринужденно, словно не всерьез. Она за минуту успевала надавать ему различных прозвищ, потормошить, будто куклу, забраться к нему на колени и, спрыгнув, куда-то умчаться, оставив после себя аромат парижских духов.

ПОСЛАННИЦА СУДЬБЫ

Ростовщик, в глубине души ожидавший, что его в лучшем случае будут просто терпеть, млел от подобного обращения. Не удивительно, что пани Теофилия ни в чем не знала отказа. Оставшись такой же безмятежно наивной, как до супружества, она совсем не интересовалась делами мужа. Каким путем добываются деньги, «пани ростовщица» знала не больше, чем когда жила под крылышком нежного отца. Пан Тадеуш куда-то уходил и возвращался, приносил или не приносил деньги — о сложном механизме векселей и вкладных, об этой адской машине, размалывающей в прах человеческие жизни, девушка не имела никакого представления. Теперь она не знала нужды ни в чем и с восторгом ребенка тратилась на дорогие наряды, которые прежде могла лишь рассматривать в витринах Кузнецкого моста, держать роскошный белый с позолотой экипаж, запряженный четверкой белоснежных, без единого пятнышка, лошадей, ложу в Большом театре... Но больше всего денег шло на тысячу различных мелочей, которые счастливая новобрачная желала иметь в тот же миг, как видела, и получала в тот же миг, как этого пожелала. Подругам она хвалилась в своей обычной, воркующе-легкомысленной манере: «Мой Казимирчик трудится целый день и никогда, никогда мне ни в чем не отказывает!» Подруги, в основном также происходившие из разорившихся польских родов, не скрывали зависти, которой, как они думали, «дурочка Тео» не замечает,

и язвили на ее счет чуть не ей в лицо. Все они были бесприданницы, некоторые куда красивее Теофилии, и никаких надежд на будущее у них не предвиделось. Во многих семьях девушки питались одной картошкой, перелицовывали по ночам старые платья, плакали из-за обрывка кружев, который бесполезно было чинить дальше, так как он расползался под иглой. Их красота увядала, лица становились желтее, гордыня — все ядовитее. Кто из них мог сохранить в сердце приязнь к любимице судьбы, «дурочке Тео», ломавшей на их глазах ради забавы баснословно дорогой перламутровый веер, которым она дразнила собачонку?

Впрочем, кое-кто считал ее не дурочкой, а лицемеркой, гениально разыгрывавшей небесное создание. Удивляла та восторженная легкость, с которой Теофилия относилась к своему браку с «отвратительным старикашкой». Недоумевали, как можно пасть так низко, чтобы делить брачные восторги с подобным типом? В конце концов, девушки, излив всю накопившуюся желчь и проявив несколько подозрительную осведомленность, дружно сходились на том, что Летуновский давно уже не мужчина, а только жалкая видимость оно-го, оттого Теофилия и весела. Очевидно, молодая ростовщица ждет не дождется подходящего кавалера, чтобы наставить своему Казимирчику рога. «Или уже успела!» — шипел кто-то.

Так ли обстояло дело, доподлинно никому не было известно. Между тем идиллия продолжалась,

Посланица судьбы

расцветая новыми красками. Казимирчик, ничего не жалевший для своего кумира, свил уютное гнездышко в прекрасном особняке на Малой Никитской улице, обставленном изысканно, на парижский манер, к чему лучшие московские декораторы приложили все таланты, а сама пани Летуновская вложила в него душу. Летуновский участвовал в процессе лишь деньгами, ибо таланты ростовщиков всем слишком известны, а наличие у них души многими вовсе отрицается. К тому же Казимир Аристархович, безвыездно проведший две трети жизни в Москве, окончательно обрусел, никаким европейцем более себя не считал, вкусы имел купеческие, самые простые и с трудом уже мог изъясняться на родном языке. Московское купечество, вообще не любившее чужаков, приняло Летуновского в свои ряды снисходительно, как неизбежный фатум. «Ну какой же он чужак, помилуйте? — не без ехидства ухмылялись некоторые. — Уж сорок лет как на Москве самолучшим кровопивцем сидит! Чутье имеет адово! За рубль из бедного человека всю душу высосет, червь могильный... А богатому миллион нужен?! Из полы в полу, как девку, передаст в тот же час. И откуда возьмет, чертяка?! Из воздуха выщелкнет, что ли?! Наш он, родной! Скотина этакая, пропасть ему без покаяния... Мы давно им детишек страшаем!»

Казимир, утверждаясь на своем месте, ругательств словно не замечал. Он оказывал услуги, визнавал тайны, втирался в доверие, старался

стать незаменимым... Словом, заигрывал с купечеством, как мог, а мог он многое. Про него даже стали говорить: «А с этим мерзавцем, пожалуй, можно иметь дело!», что являлось высшей похвалой в устах тех, для кого дело было целью жизни, а деньги — ее кровью.

Но если ростовщика бородатая часть купеческого сообщества лишь терпела как неприятную необходимость, то его супругу купчихи неожиданно полюбили так же, как возненавидели ее соплеменники. Теофилию везде звали в гости, сажали на почетное место, хотя она и была другой веры, что практически уничтожало ее шансы на возвышение в этом кругу. Она понравилась за простоту, за детскую наивность и милые глупости, которые так и сыпались с ее розовых губ при виде ребенка, собачонки или красивого цветка в горшке. «Такая простая, ну, такая... — с восхищением говорили после ее отъезда. — Из дворян ведь! Говорят, чуть не королевских кровей! Правда, не наших, а ихних, кто их там разберет, может, они все там короли...» «Да это по ней видать, что королевна, — как вошла, как встала, как села... На иконы перекрестилась, видали?! Правда, по-ихнему, ну да пусть, другие-то нонешние дамочки и не вздумали бы. Дурковата она как будто немножко... Ну да и это ничего, зато добра!»

На этих купеческих вечерах Теофилия с удовольствием играла на фортепианах, и великолепно играла — покойница мать успела своими слабы-

ПОСЛАННИЦА СУДЬБЫ

ми силами преподать ей начатки образования. По-французски говорила, как француженка, шалила, как дитя, а нашалившись, садилась в угол к старушкам и внимала их рассказам о московской старине. Рассказы были увлекательные и страшные: как на Москве казнили фальшивомонетчиков, как неверных жен в теремах замуровывали, как неделями игравали свадьбы, какие лютые были зимы и многоводные вёсны... Слушала она тоже как ребенок — подавшись вперед, уронив руки на колени, чуть приоткрыв рот. Старушки сперва побаивались шляхтенки-ростовщицы, потом привыкли и стали с нею ласковы, как с правнучкой.

* * *

Однажды вечером, когда Теофилия сидела в своей маленькой гостиной за роялем и разбирала ноты модного вальса, Казимир Аристархович по обыкновению просматривал «Московские ведомости». После женитьбы он особенно пристально изучал раздел «Смесь», выискивая заметки о долгожителях. Им владела навязчивая идея — прожить со своей ненаглядной голубкой-женой необыкновенно долго, до Мафусаиловых лет, и он был рад, когда читал о подобных случаях. На этот раз заметка его прямо-таки взбудоражила. Помимо прочих московских старожилов, там рассказывалось, в частности, об одной вольноотпущенной старушке Поликсене Гавриловне, которой на днях исполнилось сто двадцать лет. «Это что же полу-